

Мы сидим в квартире Джейн недалеко от бульвара Сен-Жермен, в доме XVII века. Квартира набита мебелью самых разных стилей — от старинной французской до тайландской и африканской, сувенирами со всех концов света, коврами, картинами, фотографиями, книгами, растениями... А царит посреди этого живописного бедлама огромный пушистый рыжий котенок. На входной двери Джейн висит табличка: «Осторожно, странный кот».

Джейн смотрит на меня поверх узких очков для чтения и говорит неповторимым, с кошачьей хрипотцой голосом...

— Джейн, как начался твой роман с Сержем Гензбуром?

— О, меня пригласили на съемки фильма «Лозунг» вместо Маризы Беренсон, которая отказалась в последнюю минуту. Вначале Серж меня не замечал, потом делал вид, что презирает, и в то же время приставал ко мне. Я его сторонилась. А потом он пригласил меня на ужин, и я увидела в нем того, кого он скрывал за напускной бравадой, — русско-еврейского интеллигента, родители которого Иосиф и Ольга прибыли после Октябрьской революции во Францию из Одессы.

Несколько месяцев спустя я получила предложение от Жака Деро, который собирался снимать фильм «Бассейн» в Провансе с Рони Шнайдер и Аленом Делоном. Я поехала на пробы, которые оказались удачными. Но буквально через несколько дней в Сен-Тропез, где проходили съемки, прибыл Серж на огромной машине, которую взял напрокат. Она даже не проходила по некоторым улицам городка. Для него красавчик Делон был «опасностью номер один», и он приехал, чтобы быть с нами, то есть со мной и моей дочерью от первого брака Кейт. Первым делом он загрузил в машину кипу пеленок Кейт и ее коляску и демонстративно проехался по Сен-Тропезу.

— С того времени вы и начали совместную жизнь?

— Мы поселились вместе в особняке на улице Верней, и большую часть времени с нами жила Кейт. Серж действительно относился к ней, как к своей дочери, даже после рождения нашей дочери Шарлот в 1971 году. Но мы так и не поженились, хотя вначале собирались это сделать в 1972 году и даже хотели устроить гигантский бал на Лионском вокзале.

Вначале, когда мы познакомились, он еще ходил аккуратно одетым, в круглых очках интеллигента. Это я ему предложила отпустить щетину: мне казалось, что плохо побритый мужчина вызывает материнское чувство у женщины, ей хочется им заняться. Потом это вошло в моду. Мне кажется, что первые годы с ним были для меня как-то возвратом в детство, золотым веком, когда все было позволено и все было возможно. Я помню, как мы поехали в Дубровник и купили там детский поезд. В номере мы нагрузили его бутылочками водки из бара, и Серж запустил его, чтобы он проехал под кроватью. Это был момент неописуемого счастья!

Мы были актерами фильма, который играли сами для себя. Он вел меня в какой-нибудь шикарный бутик, к Иву Сен-Лорану например, чтобы купить мне вечернее платье просто для выхода в ресторан вдвоем. Мы часто ходили в рестораны, где была музыка. Серж особенно любил цыганские мелодии, и нашим любимым заведением было кабаре-ресторан «У Распутина».

Но чем дальше, тем больше он пил, стал вызывать греб с окружающими. Однажды демонстративно погасил сигарету о галстук ведущего телепрограммы. Несмотря на его первый инфаркт в 1973 году, мы каждый вечер ходили в бар «Элизе-Матиньон», Серж пил и играл на рояле — с ожесточением, до утра, а я засыпала прямо на скамейке. Однажды мы возвращались рано утром, Серж шатался, не мог попасть ключом в замочную скважину. Он склонился над резной дверью с острыми выступами, и я, вместо того чтобы ему помочь, внезапно толкнула его изо всей силы, так что он разбил в кровь себе бровь о выступ. Мне было стыдно после этого внезапного приступа ненависти. Назавтра он удивлялся, как он мог так повредить себе лицо, но я не осмелилась ему сказать, что это было из-за меня.

Однажды ночью в 1980 году я ушла из нашего общего с Сержем дома, забрав моих девочек. Я прожила два месяца в Хилтоне, а затем купила домик в Париже с садом и прожила там 15 лет.

— Что приходит тебе в голову, когда ты вспоминаешь о Серже?

Джейн Биркин — одна из самых любимых во Франции звезд. Любимых именно в силу своей хрупкости, нежности, заботы о других — эта актриса и певица известна и своей гуманитарной деятельностью. Джейн родилась в Лондоне в 1946 году. Ее отец, сэр Биркин, был капитаном военного судна Королевского флота Ее величества, а мать — знаменитой театральной актрисой, которая многие годы играла на лондонской сцене под именем Джуди Кэмпбелл.

В 1968 году молодая английская актриса Джейн, уже успевшая сняться в фильме Антониони «Блю-ап», удостоенном Золотой пальмы на Каннском фестивале 1967 года, получает приглашение принять участие в съемках фильма «Лозунг», герой которого — Серж Гензбур. В 40 лет этот актер, певец, композитор и писатель успел произвести революцию во французской песне. В это время у него как раз завершился бурный роман с Брижит Бардо. Когда на съемках появилась Джейн, которая не только играла в фильме англичанку, но и в жизни не говорила ни слова по-французски, между ними завязался роман, ставший легендарным...

ДЖЕЙН БИРКИН:

МЫ И В ЖИЗНИ

Моя жизнь, - 2001 - 28-28 ноября, - с. 23

ИГРАЛИ ФИЛЬМЫ ДЛЯ САМИХ СЕБЯ

— Когда нам звонили, включался автоответчик с записью его голоса: «Быть или не быть. Вопрос. Ответ». Эта фраза еще звучит в моих ушах.

— А если подвести итоги твоей профессиональной деятельности в те годы?

— Я начала петь благодаря Сержу, и это стало важнейшей частью моей жизни. Хотя отдельные песни я пела с 1968 года, мой первый альбом «Ди Ду Да» был записан в 1973 году. Все эти песни были сочинены Сержем. Вообще, после рождения Шарлот я два года почти не работала. Я начала интенсивно сниматься в кино с 1973 года, с фильма Роже Вадима «Дон Жуан-73», где еще участвовала Брижит Бардо. В течение нескольких лет это были в основном комедии, где я играла роли наивных англичанок.

Переломным оказался 1975 год. Впервые, я сыграла впервые в драматическом фильме Жака Руфю «Семь смертей по заказу», а во-вторых, снялась в первом фильме Сержа «Я люблю тебя, а я тебя тоже не люблю», где я сыграла женщину-андрогина. Мы впервые показали в кино гомосексуализм, или, точнее, сексуальную двусмысленность. По выходе в марте 1976 года фильм вызвал ужасный скандал. Пресса выступила с чудовищными нападками на Сержа, да и меня не пощадил. Оценил его только Франсуа Трюффо. Тогда фильм быстро сняли с экрана, но зато он по сей день идет в кинотеатках.

Из фильмов вспомню еще «Смерть на Ниле» с Питером Устиновым. Это, конечно, коммерческий фильм, но мне было приятно в нем играть. А из

десен, сочиненных для меня Сержем, самыми успешными и по сей день любимыми были «1969, эротический год», «Баллада Джонни Джейн», «Йес-тердей, йес-э-дей».

— Как складывалась твоя жизнь после ухода от Сержа?

— Я встретила человека, который помог открыть мне еще одну сторону моей личности и стал отцом моей третьей дочери, Лу. Это кинорежиссер Жак Дуайон. Я познакомилась с ним, когда он пригласил меня сниматься в своем фильме «Блудная дочь». Тогда же я подружилась с Мишелем Пикколи: мы играли вместе. Дуайон впервые доверил мне главную роль, причем не наивной иностранки, а страдающей женщины. За годы жизни с ним я снялась в нескольких серьезных фильмах: «Пиратка» в его постановке, «Любовь на земле» Жака Ривета, «Женщина моей жизни» Режиса Варнье.

Совершенно особняком стоит мое участие в фильме женщины-режиссера Аньес Варда «Мастер Кунг-Фу» в 1987 году. Это история любви между 40-летней женщиной, которую я играю, и подростком, которого играет сын Аньес. Роль родителей героини в фильме играли мои собственные родители, а роль ее детей — мои дочери Шарлот и Лу. И даже сцены интерьера были сняты у меня дома!

Вообще-то, самые значительные фильмы, в которых я снялась, приходятся на последнее десятилетие. Это — «Прекрасная спорщица» Жака Ривета, «Нам это знакомо!» Алена Рене, «Это — мое тело» Родольфа Маркони. В после-

днем фильме я играю кинорежиссера, очень жесткую деловую женщину, которую не разжалобишь сантиментами.

— Вот уж образ, который далек от тебя! Ведь у тебя сохранились особые отношения с Сержем и после того, как вы расстались.

— Мои отношения с Сержем никогда не обрывались. У нас была общая дочь, и нам удалось установить дружеские, творческие отношения. Я вернулась к песне в 1983 году благодаря Сержу. Он написал для меня альбом «Одинокая эбзи в Вавилоне». В то время Серж уже сильно опустился, совершал публичные провокации. Например, в 1984 году он демонстративно сжег во время прямого эфира в телестудии 500-франковую купюру, чтобы выразить свой протест против «налогового борделя». Но для меня он написал удивительно нежные песни, и этот альбом стал моим первым «золотым диском».

В 1985 году я начала играть в театре. В этом сыграл роль режиссер, которого я очень ценю: Патрис Шеро. Этот год памятен для меня и по другой причине: наша с Сержем дочь Шарлот начала сниматься в кино. Но если за первую свою роль она получила высшую французскую премию «Сезар», то второй фильм, по папиному сценарию, «Шарлот навсегда», произвел настоящий скандал, потому что в нем содержится намек на инцест. Это история отца, который слишком сильно привязан к дочери. Кстати, в следующем году Серж написал альбом уже для Шарлот, и одна из песен этого аль-

бома, «Лимонный инцест», в свою очередь, вызвала скандал.

Как певица я впервые выступила перед публикой со сцены в 1987 году в парижском театре «Батаклан». И опять это были песни, сочиненные для меня Сержем.

— Как ты восприняла его смерть?

— Мне позвонили, и я тут же бросилась на улицу Верней, где не была к тому времени уже 10 лет. Он лежал в ванне мертвый. Это было ужасно. Я помню его похороны на Монпарнасском кладбище, толпы молодежи, которые любили его новый персонаж битника, бросающего вызов обществу. А я продолжала любить того артиста-эмигранта, образ которого потихоньку растворился во время нашей совместной жизни, еще до того, как мы расстались. Но, конечно, я помню и раны. Пока мы жили вместе, он давал мне выбирать среди мелодий, которые он писал, то, что я хотела исполнять. Он мне играл их на рояле, а я говорила: «Вот эта». Но однажды я пришла к нему уже после нашего разрыва. Он мне сыграл мелодию, которую я тут же захотела для себя, но Серж улыбнулся и сказал: «Нет, это для Изабель Аджани».

Конечно, все это мелочи. Серж — это часть моей жизни по сей день. Я мечтаю совершить когда-нибудь поездку в Украину, отец Сержа был родом из Харькова, мать — из Феодосии. Мне бы хотелось навестить места, где они родились, Одессу, в которой они поженились. Именно от Сержа у меня любовь к русской культуре, русской музыке.

Однажды меня пригласили в Аддис-Абебе на вечер поэзии, посвященный Рембо, который прожил часть своей жизни в Эфиопии. Я ничего не успела подготовить и перед выходом на сцену выскочила и написала на туалетной бумаге: «Верить в небеса, верить в бога, даже когда вокруг все безнадежно... Кто-то меня спросил: «Это Аполлинер?». А я ответила: «Это — Гензбур».

— А что ты делала в Аддис-Абебе?

— С середины 80-х годов я стала участвовать в различных гуманитарных акциях, манифестациях против расизма. В 1991 году я предложила от имени Международной амнистии, чтобы 30 французских кинематографистов сделали каждый по документальному фильму о каком-то политзаключенном, объявленном этой организацией узником совести. Я сама сняла тогда фильм об одной молодой филиппинке. А три года спустя я выступила с такой же инициативой в рамках кампании против СПИДа. Мы тогда назвали эту операцию «Три тысячи сценариев против вируса». Вот я и ездила на съемки этого фильма в Эфиопию.

В том же году я побывала в Боснии, в разгар войны. Я поехала туда вместе с несколькими писателями, чтобы поддержать осажденное население Сараево. Там я встретила писателя Оливье Роленом, который стал моей новой любовью. Он познакомил меня с совершенно новым кругом людей, писателями и философами. Благодаря ему я даже познакомилась с очень забавным типом, русским писателем Виктором Пелевиным, которого Оливье издает во Франции. У них был совершенно сумасшедший разговор в моем присутствии. Оливье является страстным поклонником гениального португальского поэта Фернанду Песоа, который писал стихи как бы от имени нескольких совершенно различных персонажей, разными стилями. Это уникальное явление в истории мировой литературы. Оливье начал рассказывать Виктору про Песоа, потому что думал, что тому это будет интересно, ведь у него в «Чапаеве» происходит полное раздвоение и даже размножение личности у нескольких персонажей. Но Пелевин не «врубился», и когда Оливье закончил, он сухо заметил: «А что тут особенного? Банальный психиатрический случай!».

— Последний, тривиальный вопрос. Над чем ты сейчас работаешь?

— Я заканчиваю съемки фильма вместе с известной актрисой Дайаной Уест, которая снималась с Вуди Алленом и заработала вместе с ним два «Оскара». Это комедия в постановке режиссера Анри Литвака, еврея с русскими корнями, как Серж. А затем я буду сниматься в первом фильме театрального режиссера Люка Бонди. Это фильм о Серже, обо мне, о нашей жизни. Я играю саму себя, Наташа Ренья — мою дочь, а Брюно Ганц будет играть моего мужа. Между этими фильмами я надеюсь, что смогу совершить несколько поездок, посвященных гуманитарной деятельности.